

В. Атлантов:

«ЛЮБЛЮ ХАРАКТЕРЫ СИЛЬНЫЕ»

Имя 34-летнего народного артиста РСФСР Владимира Атлантова широко известно всем истинным любителям музыки в десятках больших и малых городов Союза, в Милане и Париже, Берлине и Токио, Барселоне и Монреале, Неаполе и Вене. Особенно популярен стал молодой певец после двухлетней стажировки в прославленном миланском театре «Ла Скала» и побед на многих международных и всесоюзных конкурсах вокалистов. Воспитанник ленинградской вокальной школы Владимир Атлантов поет сейчас на сцене Большого театра. Здесь он с неизменным успехом исполняет все ведущие теноровые партии, наследуя славные традиции крупнейших мастеров: Л. Собинова, Г. Нелеппа, И. Козловского. «Природа щедро одарила Владимира Атлантова голосом редкой красоты, силы и такого широкого диапазона, что подчас кажется: он беспределен, — писала в «Правде» народная артистка РСФСР Галина Олейниченко. — Родился героический тенор, голос, как известно, чрезвычайно редкий». «У советского тенора «золотой» голос», — констатировали итальянские газеты во время недавних выступлений Атлантова на юбилейных торжествах в честь 100-летия со дня рождения Эрико Карузо.

— Это были счастливые минуты, — рассказывает артист. — На всю жизнь останется в памяти и шивал аплодисментов, и темпераментное «браво, руссо, браво», и цветы.

В неаполитанском театре «Сан Карло» пели лучшие теноры мира: дель Монако, Доминго, Тольявини, Гедда... Советское вокальное искусство здесь представлял Владимир Атлантов.

— Быть может, в вашем успехе «новинка» школа «бель-канто»? Все-таки два года учебы у лучших маэстро Италии сделали свое дело!

— Ошибочно утверждать, что каждый, кто отправляется в Италию, вернется оттуда великолепным певцом. Одному школа «бель-канто» может подойти, другому нет. Отчего это зависит, судить не берусь. Знаю только, что итальянская педагогика мне

подошла. Собственно, мой педагог, знаменитый маэстро Барр, не говорил принципиально ничего нового по сравнению с тем, что я слышал в консерватории. Но как он показывал! Чувствовался певец, знающий о пении все, что можно знать, и умеющий все, что можно уметь. С ним мы подготовили несколько партий в операх «Бал-маскарад», «Богема», «Тоска», «Паяцы»...

— Кстати, музыка в этих спектаклях не допускает импровизации — «жесткость» рамок западного оперного жанра общезвестна...

— Но ведь существует индивидуальная трактовка образа, творческое его решение, поиск наилучших вариантов образности, без которых ни Карузо, ни Шаляпин не были бы столь великими. Что касается меня, то в большинстве случаев — по невезению или другим случайным причинам — я не участвовал в постановке спектаклей от начала и до конца, а должен был входить в готовую оперу. Вполне естественно, что и в этом случае необходимо тщательное изучение характера своего героя, эпохи, в которой он жил. Здесь на помощь приходят литературные источники. Но главное, конечно, — голос. Вот почему приходится постоянно работать над партией, отрабатывать, шлифовать трудные места. И только когда освоишь партию, когда постигнешь суть своего героя, когда складывается собственное ведение образа, можно считать роль сделанной. Впрочем, и в этом случае нельзя считать, что она закончена, завершена. Вообще говоря, очень трудно провести четкую грань между готовой ролью и неготовой. Считаю партию «притертой», когда спою ее на сцене раз двадцать, но лишь, как говорят

математики, «в первом приближении».

— Вы недавно с успехом дебютировали в роли Семена Котко в опере Сергея Прокофьева. Какие чувства пришлось испытать от соприкосновения с прокофьевской музыкой?

— Радость открытия, пожалуй... Для любого художника «вхождение» в мир Прокофьева — ответственный и вместе с тем увлекательный поиск. Пленяет буквально все: и неповторимость авторской интонации, и богатство музыкальных характеристик, их глубокая психологичность.

— Влияет ли на ваши достижения общение с видными музыкантами, композиторами, актерами?

— Разумеется. Творчество Инокентия Смоктуновского, Евгения Евстигнеева, Бориса Покровского, Мстислава Ростроповича, их советы, умение видеть мир, трактовать его подсказывают интересные решения.

— Спору нет, личный опыт, жажда много знать определяют наполненность таланта, дают ему силу независимости и оригинальности. И тут есть чему поучиться у мастеров. Да и обстановка, в которой приходится работать, тоже кое-что значит...

— Конечно. Как-то в «Ла Скале», в перерыве между действиями, я спросил Николая Гяурова: «Что тебе помогает петь?». Он ответил: «Здесь я не могу петь плохо. Просто не могу: здесь такая атмосфера... здесь никто плохо не поет». Я понял, что для него каждое выступление в Милане — праздник.

— А для вас?

— Если я чувствую, что сумел сказать людям нечто новое о герое, испытываю радость. На отношения с коллегами сетовать не приходится. В Большом театре молодежи созданы все условия для творчества.

— Ваши вокальные привязанности?

— Больше тяготею к драматическим ролям. Мне по душе натуры сильные, страстные, крупные — Хозе, Отелло, Герман. К тому же они воссоздают характер общественных отношений своего времени, разоблачают уродства своей эпохи, мешающие расцвету культуры, красоты. Конечно, стремление сыграть Отелло вокальной привязанностью не назовешь. Мне нравится и легкая музыка.

— Какая?

— Симфо-драмовая. Хотя певцом № 1 считаю классика — итальянца Марио Ланца. С большим удовольствием исполняю некоторые произведения из его репертуара.

— Какова ваша точка зрения на состояние оперного жанра?

— Не думаю, чтобы он утратил позиции. В ведущих театрах мира много поистине замечательных оперных спектаклей. Примеров тому множество, и я не стану их перечислять. Более того, интерес к опере и у нас, на Родине, и за рубежом возрастает. Недавно мне с Еленой Образцовой, Тамарой Милашкиной, Евгением Нестеренко довелось принять участие в постановке «Дон-Карлоса» в Висбадене, куда съехались на фестиваль любители музыки со всех концов Европы.

— Наконец, традиционный вопрос: что нового в ваших планах?

— В этом сезоне мне предстоит воплотить образ Самозванца в опере Мусоргского «Борис Годунов». С волнением жду дебюта в роли Отелло в опере Верди «Отелло», выпуск которой художественный совет театра наметил на 1974 год. Получены приглашения от дирекции театров Вероны, Флоренции, Пармы, Барселоны, Неаполя участвовать в оперных спектаклях и концертах в дни проведения традиционных фестивалей и конкурсов. Во время предстоящих гастролей нашей труппы в Италии запланированы выступления в операх «Евгений Онегин» (партия Ленского), «Князь Игорь» (роль Владимира Игоревича), «Семен Котко».

Вел беседу Ю. БЕСПАЛОВ.